

Краткое содержание:

Цзян Чэн подслушивает. Цзян Чэн волнуется. Цзян Чэн, наконец, понимает.

Или надеется, что понимает. Он не совсем уверен, что действительно может понять, но он знает, что то, что делают Вэй Усянь и Лань Ванцзи, опасно. Он может только надеяться, что они выйдут из своего безумного эксперимента целыми и невредимыми.

Утром Цзян Чэн неловко слонялся у двери Вэй Усяня, размышляя, стоит ли ему постучать или просто... подождать. Несмотря на то, что для Лань Ванцзи тоже были отведены покои, тот ни разу там не ночевал, и слуги вернули эти комнаты в список свободных мест — он слышал сплетни, когда ходил за сестрой на кухню, но подавил желание нахмуриться.

За дверью раздался какой-то грохот — что-то твёрдое и небольшое упало на пол, затем последовали звуки шагов и смех — и это почти заставило Цзян Чэна потянуться, чтобы постучать; конечно же, если они там передвигались, не могло произойти ничего непристойного, что он бы... прервал. Но в тот момент, когда костяшки пальцев приблизились к дверному полотну, голос Вэй Усяня заставил Цзян Чэна замереть.

— Эй, Лань Чжань, что ты делал прошлой ночью?

Для постороннего человека фраза прозвучала бы невинно, но Цзян Чэн вырос, прислушиваясь ко всем вещам, которые его брат скрывал за своей вечной улыбкой. Вместо любопытства он услышал беспокойство, он услышал страх.

Он позволил руке упасть вдоль тела.

«Я не подслушиваю, — уговаривал он себя. — Они просто достаточно громкие, чтобы их было слышно отсюда».

— Хм?

Голос Лань Ванцзи едва доносился до него, и он, должно быть, стоял совсем близко к двери, раз Цзян Чэн смог его услышать.

— Я... мои сны, Лань Чжань. Я имею в виду, ну...

Цзян Чэн нахмурился, заметив нерешительность в интонациях брата. Вэй Усянь редко колебался, когда говорил что-либо, если только речь не шла о его собственных эмоциях. Что же его так беспокоило, если он путался в словах в разговоре с Лань Ванцзи?

Последовала долгая тишина, затем он услышал быстрые, размеренные шаги, удаляющиеся от него, а следом приглушённый визг удивлённого чем-то Вэй Усяня.

— Ты помнишь?

Цзян Чэну пришлось хорошенько напрячься, чтобы услышать эти слова Ханьгуан-цзюня.

— Лань Чжань! — Голос братца прозвучал отстранённо и приглушённо. — Что... я имею в виду, обычно я помню, по крайней мере, когда просыпаюсь, но вчерашняя ночь была просто... пустой. Как свиток, который кто-то покрыл белой краской или что-то в этом роде. — Должно быть, он немного оттолкнул Лань Ванцзи, потому что дальше его голос зазвучал громко и отчётливо: — Это странно, Лань Чжань.

— Плохо?

Цзян Чэн нахмурился, услышав короткие, лаконичные вопросы, характерные для речи Лань Ванцзи — он ничего не мог разобрать из таких куцых фраз.

— Я... я даже не знаю, Лань Чжань. Но, вместо картинок и всего такого, я слышал твой голос — как будто сон был покрашен, но я слышал, как ты напеваешь. И я продолжаю слышать это, когда пытаюсь вспомнить. — В качестве демонстрации Вэй Усянь напел несколько тактов какой-то мелодии, заменившей в воспоминаниях его сон. Цзян Чэн не услышал ответа Лань Ванцзи, но его брат передал его достаточно ясно. — Что случилось, Лань Чжань? Не смотри, как испуганный кролик, я не могу читать твои мысли.

А потом, как ни странно, Вэй Усянь замолчал, и Цзян Чэн подумал, не случилось ли с ним что-то такое, что он всё равно не хотел бы прерывать. Как только он решил повернуться и отправиться восвояси, он услышал ответ Лань Ванцзи, тихий и едва слышный.

— Тебе приснился кошмар. Я... я пытался успокоить тебя. Может быть...

Хотя слова едва достигали ушей Цзян Чэна, он услышал в них боль.

Вэй Усянь, должно быть, увидел нечто худшее, чем полные боли слова, на которые ориентировался Цзян Чэн, потому что его красноречивый старший брат издавал тревожные, успокаивающие звуки.

— Лань Чжань, это был просто плохой сон!

— Ты... Вэй Ин, твой сон...

Что бы ни собирался сказать Лань Ванцзи, он не закончил свою мысль, и она канула в небытие,

прежде чем Цзян Чэн успел её услышать.

«Что же могло случиться, если заклинатель с таким непробиваемым самоконтролем так близок к слезам?» — с недоумением подумал Цзян Чэн.

— Ты... Я что-то говорил?

Цзян Чэн мог бы сказать своему глупому старшему брату, что тот регулярно разговаривает во сне, если бы Вэй Усянь спросил.

— Ты умолял.

Цзян Чэн почувствовал, как его сердце забилося и подкатило к горлу. Вэй Усянь умолял? Он и представить себе не мог... С величайшим трудом подавив желание ворваться в комнату и потребовать подробностей, он развернулся и зашагал прочь.

«Пойду за едой, захвачу лёгкий завтрак и вернусь!»

К тому времени, он надеялся, что сможет запихнуть это новое, ужасающее откровение в коробку с пометкой «ПОЗЖЕ» и пока игнорировать его.

* * *

Лёгкий завтрак, который он принёс, Вэй Усянь приветствовал сияющей улыбкой. Лань Ванци также выглядел гораздо менее расстроенным. Если честно, глядя на парочку сейчас, невозможно было представить, что всего половину палочки благовоний назад они вели удручающий, тяжёлый разговор. Цзян Чэн даже на мгновение подумал, а не вообразил ли он всё это. И нахмурился, отругав себя за подобную нелепость.

Но, прежде чем он успел подобрать нужные слова, чтобы затронуть волнующую его тему, как-то объяснить, что подслушал он их беседу случайно, с завтраком было покончено, и они втроём покинули покои, а потом и цитадель. Так ничего и не сказав, Цзян Чэн встал на свой меч и последовал за Лань Ванци и Вэй Усянем (братец благополучно укрылся в кольце рук Второго Нефрита, и так вольготно стоял на Бичене, словно это был его собственный меч).

Он не мог слышать, что говорил Вэй Усянь, хотя видел, как двигались его губы, но это вызвало несколько кивков и покачиваний головой от Лань Ванци в ответ. Честно говоря, эти двое были просто смешны. Казалось абсурдным, невероятным, как быстро они вжились в предназначенные им судьбой роли, и теперь походили на пару удобных поношенных ботинок. Враждебное бурчание из Облачных Глубин рассеялось, как туман в лучах рассвета, открывая эту... слащаво-сладкую картину преданности. И не скажешь, что не так давно второй молодой господин Лань был омрачён событиями тяжёлой, должно быть, ночи. Эта невозможная парочка буквально лучилось сейчас довольством и хорошим настроением, и Цзян Чэн позволил

себе немного отпустить волнение по поводу подслушанного разговора.

Цзян Чэн не мог отрицать чувство облегчения, которое он испытал, увидев своего брата счастливым, но оно уютно устроилось рядом с теперь уже оправданным источником беспокойства и озабоченности — эти двое были катастрофой, готовой взорваться, и всего одно неверное движение могло разжечь огонь, который способен сжечь весь мир дотла.

Он надеялся, что до этого никогда не дойдёт.

В воздухе они находились почти час, достаточно долго, чтобы Цзян Чэн ощутил лёгкое утомление, а потом они приземлились на участке голой земли, покрытом только валунами разного размера, вдаль от городов, деревень или заброшенных угодий. На этом клочке земли не соизволили вырасти даже кусты.

Это заставило Цзян Чэна нервничать и задаваться вопросом, зачем им понадобилось уходить так далеко от цивилизации, где даже панический крик не смог бы достичь чьих-то ушей.

— Итак, мы здесь. Что дальше? — спросил он, стараясь, чтобы в голосе не было резкости.

Вэй Усянь поднял бровь.

— Терпение — это добродетель, Цзян Чэн, — небрежно проговорил он и добавил: — Кроме того, я был бы признателен, если бы ты сел вот на тот валун. — Он указал на один из камней на краю поляны, и Цзян Чэн подозрительно посмотрел на него.

— Зачем?

— Потому что мне нужно сберечь тебя в целостности и сохранности, а я могу защитить достаточно хорошо только небольшую фиксированную область. Давай, полезай, я должен убедиться, что ты в безопасности, прежде чем мы начнём делать то, ради чего пришли сюда, — ответил его брат. — Итак, если ты не против...

— От чего ты собрался меня защищать, Вэй Усянь? — спросил Цзян Чэн напряжённым, низким голосом. Он лишь смутно представлял, как его брат выживал в течение трёх месяцев в аду Могильных Курганов, и пытался вообще не думать о том, что для этого тот был вынужден делать.

Вэй Усянь вздохнул, печаль, страх и покорность пробежали по его слишком выразительному лицу; и Цзян Чэну даже не нужно было слышать, какие оправдания может бормотать его брат, чтобы понять, что он имел в виду.

— Ты знаешь, где я был, и ты знаешь, что там. Не заставляй меня объяснять это тебе, Цзян Чэн, — почти умолял он.

Цзян Чэн тяжело сглотнул, крутанулся на каблуках и, протопав к скале, прислонился к ней спиной и скрестил руки на груди.

— Так пойдёт?

Он пытался не казаться раздражительным, но потерпел неудачу, когда его брат свободно использовал энергию обиды — достаточно хорошо использовал её для защиты. Разум Цзян Чэна восстал против последствий.

— На валуне было бы лучше, — настаивал Вэй Усянь, и Цзян Чэн закатил глаза, прежде чем легко запрыгнуть на камень. — Спасибо! - Голос брата звучал не так весело, как надеялся Цзян Чэн.

Движениями, слишком быстрыми, чтобы уловить их взглядом, Вэй Усянь начертил в воздухе символы, засветившиеся красным светом, и запустил получившийся талисман в сторону брата.

Цзян Чэн на мгновение почувствовал, как воздух вокруг него закружился, а следом пространство вокруг валуна погрузилось в жутковатую тишину.

— Что это было?

— Оберег для защиты от энергии обиды, — небрежно проговорил Вэй Усянь.

— Но ты не собираешься оберегать себя или Ханьгуан-цзюня? — уточнил Цзян Чэн, уже зная ответ.

— Нет причин оберегать себя, а с Лань Чжанем всё и так в порядке с тех пор, как мы начали эксперимент. — Он посмотрел на Лань Ванцзи и нахмурился. — Должен ли я...?

— В этом нет необходимости, Вэй Ин.

— Ну, ладно, тогда ладно. Раньше это не причиняло тебе вреда, вряд ли причинит и сейчас. — Демонический заклинатель пожал плечами.

Цзян Чэн едва сдержался, чтобы не закричать им в лицо, что странная разновидность энергии обиды Вэй Усяня не может, по определению, навредить Лань Ванцзи, потому что их энергии СЛИВАЮТСЯ. ИДИОТЫ! Но он героически сдержался, признав, что, на самом деле, им действительно не стоит этого знать (особенно если они ещё не поняли этого сами, потому что они тупые), а у него не было терпения Цзэу-цзюня, чтобы попытаться всё объяснить.

Широко раскрытыми глазами он пронаблюдал, как Вэй Усянь вытащил мешочек, покрытый вышитыми талисманами, открыл его и позволил паре металлических кусочков в форме тигров

выпасть себе на ладонь.

— Что это такое?

— Тигриная Печать Преисподней, — ровным голосом сообщил его брат. — Это то, что я сделал в Курганах.

Это сделал Вэй Усянь? Печать пульсировала и излучала энергию обиды, и Цзян Чэн внезапно осознал ужасающую природу выживания своего брата — он не просто использовал энергию обиды, нет...

— Вэй Усянь, ты... заменил своё... своё золотое ядро энергией обиды? — прохрипел он.

Его брат не просто использовал ту энергию обиды, которая окружала его в Могильных Курганах, не просто привыкал к ней, нет, он сделал невозможное.

Прямой взгляд, который он получил в ответ, снял с повестки почти все его вопросы, и теперь Цзян Чэн никак не мог проглотить желчь, которая угрожала выплеснуться ему в рот.

Как Вэй Усянь выжил, как продолжал выживать? Как он мог ходить с неповреждённым рассудком, не огрызаться на всех за малейшую оплошность?

Взгляд Цзян Чэна намертво прилип к Лань Ванцзи, и он живо вспомнил волны мощной духовной энергии, которые затапливали цитадель последние две ночи. Он вспомнил ощущение того, как эти звуки резонировали с его золотым ядром, которое он носил в себе. Теперь он понимал, зачем Лань Ванцзи играл эту песню для Вэй Усяня.

Если стабильность его брата исходила именно оттуда, это был бы чертовски хороший источник.

Поэтому Цзян Чэн поудобнее устроился на валуне и постарался задавить слова беспокойства и разочарования, которые завертелись у него на языке, когда масштабы того, что Вэй Усянь должен был сделать, чтобы выжить в Могильных Курганах, наконец, неизбежно достигли предела. Цзян Чэн мог спросить об этом своего брата позже, когда он обдумает свои вопросы, и когда эти самые вопросы не заставят Вэй Усяня бежать от него.

Это личное откровение настолько отвлекло его, что он пропустил весь разговор невозможной пары и очнулся лишь тогда, когда Вэй Усянь поднёс флейту к губам, а Лань Ванцзи коснулся пальцами струн своего гуцяня. Цзян Чэн подобрался и приготовился ко всему. Ничто, думал он, не удивит его.

Он отринул эту мысль, как только музыка зазвучала. На самом деле, он оказался совсем не готов к этому.

Жуткая, навязчивая, мелодия излучала переплетающиеся чёрно-сине-красные волны света, проникала в самую душу, заставляя чувствовать себя очень некомфортно. Цзян Чэн неосознанно потянулся, чтобы коснуться барьера, но всё же нашёл в себе силы и отдернул руку от мерцающей стены. Выпрямился и тряхнул головой, чтобы очистить своё сознание от смутного тумана, окутавшего его.

Когда его глаза снова сфокусировались, он увидел перед собой невероятную картину.

Печать, которую положил перед собой Вэй Усянь, вздрогнула, оторвалась от земли и яростно затряслась, противясь зову музыки. Ярая внутренняя угроза, исходящая от неё, заставила Цзян Чэна вздрогнуть.

Когда тёмные, дымчатые щупальца энергии обиды начали просачиваться сквозь металл наружу и разливаться в воздухе вокруг него, глава Цзян послал мысленную благодарность своему брату за то, что тот установил барьер. Столь впечатляющее количество энергии обиды представляло собой реальную опасность, с которой Цзян Чэну совершенно не хотелось сталкиваться, и он надеялся, что Вэй Усянь и Лань Ванцзи знали, что делают.

Он наблюдал, как все больше и больше грязной энергии выливалось из Печати, заполняя землю и воздух между ним и дуэтом чернильно-чёрными пятнами, которые облизывали барьер вокруг главы Цзян, скользили сквозь пальцы музыкантов, дёргали их за волосы и наматывались на струны.

Энергия всё прибывала и прибывала, пока песня не стала постепенно меняться, и тогда Цзян Чэн увидел, как энергия обиды начала оседать и сворачиваться, скапливаясь на земле и образуя огромные... лужи, за неимением лучшего слова. Ещё одно тонкое смещение звуков, и опасная сила начала стихать заметно сильнее, пока не замерла, почти не шевелясь, несмотря на лёгкий ветерок.

А затем песня снова сменилась на мелодию, которую Цзян Чэн сразу же узнал. Именно её Лань Ванцзи играл каждый вечер для Вэй Усяня.

К его изумлению, энергия обиды замерцала, зашевелилась и запузырилась, словно обожжённая кожа, потом начала светлеть, и эта чёрная грозовая туча начала скукоживаться и оседать, исчезая по крупицам, при этом полностью очистившись от порчи и негатива. Угольно-тёмные лужи просто... испарились. Мерцающая и растворяясь в воздухе, воссоединяясь с естественным потоком энергии вокруг них.

Потребовалось достаточно много времени для того, чтобы Цзян Чэн начал волноваться, но вся энергия обиды была очищена, и, когда последние ноты песни стихли, Печать снова отправилась в мешочек-цянькунь, неподвижная и тихая.

Вэй Усянь и Лань Ванцзи оба споткнулись, пошатываясь от усталости.

— Вэй Усянь! - крикнул Цзян Чэн. — Ханьгуан-цзюнь!

Вэй Усянь рассеянно провёл рукой по воздуху, и Цзян Чэн почувствовал, как барьер рушится. Он спрыгнул с валуна и направился к паре, на ходу протягивая руки, чтобы поймать хотя бы Вэй Усяня, прежде чем тот рухнет на землю.

— Эй, спасибо за улов, — пошутил Вэй Усянь, улыбаясь. — Не ожидал, что это отнимет у меня столько сил. — Он выпрямился и, используя Цзян Чэна как импровизированный костыль, потянулся, чтобы схватить Лань Ванцзи за руку. — Лань Чжань, ты в порядке?

— Да, Вэй Ин. - Второй Нефрит вернул хватку, его пальцы сомкнулись на запястье Вэй Усяня. — Это была неожиданная утечка.

— У меня то же самое. Вчера всё было не так интенсивно. Как ты думаешь, «Покой» имеет к этому какое-то отношение?

Лань Ванцзи кивнул:

— Да. Это мощная песня. Между «Соблазном» и «Ясностью» её сила удвоилась.

— Будем знать. Я не чувствую своих ног, — пробормотал он, посмеиваясь. — Цзян Чэн, ты только не переживай, я сейчас просто присяду. — И без дальнейших предисловий он осел на землю, его ноги подломились под ним, и он завалился назад, правда, не совсем навзничь: Цзян Чэн успел поддержать его и помог прислониться спиной к валуну позади него.

— Вэй Усянь!

— Если ты продолжишь так кричать, Цзян Чэн, тебе определённо станет лучше, — слабо хихикнул Вэй Усянь. - Не пугайся. Это всего лишь нехватка энергии, время всё исправит.

Лань Ванцзи, пошатываясь, подошёл к демоническому заклинателю, встал на колени и нежно прижал пальцы к его шее.

— Низко. Почти слишком низко.

Он выглядел настолько взволнованным, что Цзян Чэн с трудом удержался от того, чтобы позорно открыть рот. Хорошо, что глаза Второго Нефрита были опущены, иначе глава Цзян сгорел бы от стыда.

— Будет ли моя...

Цзян Чэн присел на корточки и яростно кивнул:

— Да, это работает.

Для большинства людей, учитывая отсутствие у Вэй Усяня золотого ядра, такая передача энергии вообще не сработала бы, она была бы менее чем бесполезна. Но для Сливающейся Пары эффективность должна была удваиваться.

Не то чтобы Цзян Чэн собирался им это сказать.

Казалось, что Лань Ванцзи и сам не хотел этого знать, или, скорее, его мысли занимал только братец Цзян Чэна. Особенно хорошо это было видно по тому, как он сразу же схватился за предложенное решение и, сосредоточив свою духовную энергию на кончиках пальцев, направил её в точку пересечения меридианов между глаз Вэй Усяня.

Почти сразу краски вернулись на лицо демонического заклинателя, и его дыхание выровнялось.

— О, вау, так лучше. — Он открыл глаза и, насупившись, посмотрел на текущую ци Лань Ванцзи, вливающуюся в его меридианы. — Эй, Лань Чжань, твоя энергия тоже пострадала, не перенапрягайся, помогая мне.

— Просто устал. Опасности нет. — Взгляд Лань Ванцзи, направленный на Вэй Усяня, ясно говорил о том, что именно ему и угрожала опасность.

К изумлению Цзян Чэна, Вэй Усянь смутился и застенчиво улыбнулся.

— Прости, Лань Чжань, — проговорил он и чуть оттолкнулся руками от земли, чтобы сесть, как следует. — Я думаю, нам не следует пытаться делать это каждый день.

— Сколько осталось?

Этот вопрос сбил Цзян Чэна с толку, и он растерянно захлопал глазами, наблюдая, как его брат выуживает из-за пазухи уже знакомый мешочек-цянькунь и, сосредоточившись, анализирует его содержимое. — Что ж, возможно, оно всё-таки того стоило, Лань Чжань. Осталось чуть больше половины.

Глаза Лань Ванцзи расширились:

— Половина?

— Да, половина. Если бы мы использовали эту комбинацию в течение следующих трёх или четырёх дней, мы могли бы полностью очистить Печать и Чэньцин, прежде чем мы отправимся в Цишань, и мы могли бы сосредоточиться на связующей мелодии. — Глаза Вэй Усяня загорелись. — Связующая мелодия займёт некоторое время, но, если мы осушим Печать достаточно быстро, мы сможем уделить больше внимания тем фрагментам, в которых мы не уверены, и у нас будет время, чтобы начать укреплять Связь почти за две недели до запланированной атаки.

— Опасно, Вэй Ин, — возразил Лань Ванци.

— Ну, это либо раздвинет границы, либо не позволит нам сделать необходимое до запланированного боя, и тогда придётся прибегнуть к плану «Б», чего я действительно не хочу делать. — Вэй Усянь пожал плечами. — Мы могли бы также рискнуть и немного напрячь мою энергию, чтобы всё сделать вовремя, и это будет быстрее и лучше, чем вообще замедляться. У нас осталось чуть больше трёх недель, Лань Чжань, совсем немного времени.

Цзян Чэн старательно связывал обрывки информации, что он сейчас слышал, но то, что у него получалось, конечно же не выглядело чем-то полным. Зияющая дыра в центре его заключения говорила о чём-то глобальном, что ему ещё предстояло узнать.

— Не пора ли ввести меня в курс дела? — прервал он брата. — Потому что я только что наблюдал, как ты вычистил немалое количество энергии обиды из этой своей Печати, а теперь ты говоришь о соединении, истощении и атаке. — Цзян Чэн посмотрел на мешочек-цянькунь. — Что это такое?

Вэй Усянь глубоко вздохнул.

— Это Печать, сделанная из куска иньского железа. Большого куска иньского железа. Из него же сделана и Чэньцин. — Он поднял флейту. — И флейту, и Печать я сделал во время своего пребывания в Могильных Курганах.

— Иньское железо? — Голос Цзян Чэна не дал петуха, и он определённо был благодарен небесам за это. — Вэй Усянь! Откуда у тебя столько иньского железа?

— Не оттуда, откуда ты думаешь. — Вэй Усянь, в конце концов, склонился к Лань Ванци, положил голову ему на плечо и продолжил говорить: — Это был меч, выкованный полностью из иньского железа. Но без золотого ядра я не мог бы использовать его, по крайней мере, так, как это было бы полезно. Поэтому я изменил форму металла и выковал Чэньцин, потому что музыка — это мощный инструмент. — Он с улыбкой посмотрел на Лань Ванци. — С помощью Чэньцин я заставляю Печать действовать как фокус, когда использую больше энергии, чем я могу безопасно контролировать.

— Вэй Усянь, — начал Цзян Чэн, но оборвал себя и отвёл взгляд от явного страдания в глазах брата. Он глубоко вздохнул, сосредоточившись, прежде чем снова взглянуть на Вэй Усяня. — Только один вопрос. Ты будешь в порядке? Это... что бы ты ни делал... Ты будешь в порядке? —

Он сузил глаза. — И даже не вздумай лгать мне, Вэй Усянь! Я годами наблюдал, как ты учишься лгать, и знаю, когда ты пытаешься что-то скрыть!

При этих словах Вэй Усянь выдохнул.

— Мы... не уверены. В этом нет ничего по-настоящему однозначного и ясного, Цзян Чэн. Никто не делал ничего подобного раньше. Но если я этого не сделаю, если мы этого не сделаем, то невозможно даже представить, на что ещё способен Вэнь Жохань с тремя кусками иньского железа, которые у него уже есть. — Он поморщился и ещё больше навалился на Лань Ванцзи. — Он уже провёл последние несколько дней, захватывая всё больше и больше душ. Чем быстрее мы сможем высосать силу из этих кусков иньского железа, тем быстрее мы сможем лишить его величайшего преимущества. — Он дёрнул плечом. — Кроме того, это не может быть намного хуже, чем ответная реакция, с которой я сталкивался раньше.

— Вэй Ин.

Неодобрение в голосе Лань Ванцзи вторило внутреннему спору Цзян Чэна, и хотя он не показывал этого, он был благодарен. Со всей этой новой информацией, за которой он едва поспевал, Цзян Чэн обнаружил, что не уверен в своих взаимодействиях с Вэй Усянем, в том, стоит ли ругать его или просто продолжать беспокоиться, не огрызаясь на него.

— С тех пор, как ты пришёл, Лань Чжань, ответных реакций было всего несколько, — сказал Вэй Усянь, безуспешно пытаясь успокоить свою пару. — И они, в основном, стали слабее. Всё, что я сейчас чувствую, это отдалённое прикосновение всякий раз, когда он активирует иньское железо. — Он потёр ладонью грудь прямо над сердцем, заставив Цзян Чэна волноваться ещё больше. — Мне нужно сохранить эту связь. Если я потеряю её, я не смогу гарантировать прочную связь между Печатью и кусками иньского железа, которые Вэнь Жохань хранит в Безночном Городе.

Лань Ванцзи неохотно кивнул.

— Мы немного подождём, прежде чем вернуться, — заявил он. — У нас ещё есть время, прежде чем мой брат забеспокоится.

— Что ж, я могу побеспокоиться за нас обоих, — фыркнул Цзян Чэн. — Это опасно? — обратился он к Вэй Усяню.

— Всё на этой войне опасно, Цзян Чэн. Разве сражаться с кем-то на мечах безопаснее? Получить колото-резаное ранение — вполне реальная угроза. — Вэй Усянь изогнул бровь.

— Но раны от меча может вылечить любой компетентный врач. Если же во время своих манипуляций поранишься ты, я сомневаюсь, что даже Вэнь Цин сможет для тебя что-нибудь сделать! — Цзян Чэн встал и, отступив на несколько шагов, скрестил руки на груди. — Почему ты должен быть таким безрассудным, Вэй Усянь? — Он отвернулся и замолчал, от досады у

него перехватило горло, но он заставил себя продолжать: — Почему ты был настолько безрассуден, что, в конце концов, оказался в таком положении? — Даже он сам услышал грубую нотку в своём голосе.

— Потому что я хотел выжить, — услышал он тихий ответ позади себя. — И теперь, когда у меня есть... Когда у меня есть навык, который я могу использовать в наших интересах в этой войне... Навык, который может спасти сотни жизней. Почему бы мне не попробовать?

Цзян Чэн резко развернулся и посмотрел на него.

— Потому что у меня только один брат! — закричал он, прежде чем понял, что кричит, и отвернулся от них, снова борясь с этим бездонным колодцем страха, беспокойства и облегчения.

Несколько мгновений спустя он почувствовал руку на своём плече, а потом его дёрнули, развернули, и он встретился взглядом с Вэй Усянем.

— Я сделаю всё возможное, Цзян Чэн, чтобы оставаться в безопасности, но ты не можешь ожидать, что я останусь в стороне, когда у меня есть шанс помочь людям. — Он улыбнулся. — Ты же меня знаешь.

Цзян Чэн вздохнул и с кривой улыбкой покачал головой, когда его брат снова затмил его беспокойство своим бесконечным оптимизмом.

— Да, ты безрассудный самоотверженный придурок, который никогда не думает о себе, — пробормотал он.

— Именно для этого у меня есть ты и Лань Чжань, — заявил демонический заклинатель с нахальной ухмылкой.

— Вэй Усянь!

— Вэй Ин.

На лице Вэй Усяня появилось оскорбленное выражение.

— Вы оба против меня! И как это понимать? — Он фыркнул и скрестил руки. — А я-то думал, что ты за меня заступишься, — обратился он к Лань Ванцзи.

— Вэй Ин. «Ты безрассуден».

— Я не так уж плох, Лань Чжань!

— Вэй Ин. «Хочешь, я перечислю моменты?» — Сардонический смешок, сопровождаемый приподнятой бровью.

— Ах, ах, нет, не надо, Лань Чжань. — Вэй Усянь весело рассмеялся.

— Вэй Ин. «Ты безнадежен». — На этот раз нежность сквозила в его имени.

— О Лань Чжань! Я знал, что тебе не всё равно!

Цзян Чэн моргнул.

— Я... что-то пропустил, — пробормотал он. — Я определённо что-то пропустил. — Он смотрел, как Вэй Усянь смеется над Лань Ванцзи, который ничего не сказал, кроме имени его брата. — Я... совсем этого не понимаю. — Он сделал паузу и покачал головой. — Наверное, это даже хорошо.

А когда Вэй Усянь обнял Лань Ванцзи за плечи и осторожно потянул за конец его священной лобной ленты, Цзян Чэн почувствовал, как его сердце сжалось в груди.

— Вэй У... — Он поймал прищуренный взгляд Лань Ванцзи и инстинктивно закрыл рот.

Он знал, что его брат нечасто посещал различные уроки, посвящённые традициям великих Орденов, и мысленно набросал те уроки, которые тот посещал. Он сомневался, что Вэй Усянь имел хоть какое-то представление о том, что делает, когда дёргал Лань Ванцзи за лобную ленту, но, похоже, что и второй молодой господин Лань тоже не хотел ему говорить.

Что, вероятно, помогло объяснить часть уравнения, связанную со Слиянием.

Лучше пока игнорировать новую информацию так же, как он и пытался делать почти со всем, что касалось этих двоих.

— Хорошо, теперь мы можем вернуться? — Он прервал Вэй Усяня, который смеялся над чем-то и, время от времени забавно дул Лань Ванцзи в уши. — Кроме того, вы всё равно вернётесь завтра?

Вэй Усянь кивнул.

— Безопаснее делать это здесь, чем в цитадели. Мы высвобождаем сразу много энергии обиды, когда истощаем Печать, и просто напрашиваемся на неприятности, когда вокруг так много

заклинателей. — Он огляделся. — И даже если завтра мы ничего не осушим, лучше прийти сюда, если будем экспериментировать.

Цзян Чэн кивнул.

— Тогда хотя бы присоединяйся к нам за ужином каждый день, пока мы не уйдём, хорошо? — Он подождал, пока очередная порция взглядов между парой закончится и Вэй Усянь кивнёт, а потом сказал: — Я возвращаюсь, вы двое идёте? — Получив отрицательный ответ от них обоих, он нахмурился. — Если вы двое не вернётесь к ужину, я пошлю за вами Цзэу-цзюня. Ты должен вернуться до того, как солнце начнёт садиться, понял?

Вэй Усянь надулся:

— Хорошо? Мы скоро вернёмся, клянусь. — Он неохотно поднял три пальца, и Цзян Чэн кивнул. — Лети осторожно, Цзян Чэн.

— Вы двое тоже. — Глава Цзян посмотрел на них ещё раз: — Возвращайся скорее.

Это не было просьбой, и Вэй Усянь кивнул в ответ, так что Цзян Чэн, наконец, отправился обратно в Цинхэ; знание того, что делали его брат и Лань Ванцзи, тяжёлым грузом лежало на его сердце.

<http://bllate.org/book/13203/1177332>